

В. С. Степин¹**XXI ВЕК — РАДИКАЛЬНАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ
ТИПА ЦИВИЛИЗАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ**

Сегодня уже становится очевидно, что современная цивилизация вошла в стадию неустойчивости, кризисных состояний и нестабильности. Эти процессы всегда являются своего рода индикатором коренных качественных системных перемен.

Осмысление этих процессов предполагает применение двух взаимосвязанных типов знания: 1) содержательной концепции цивилизационного развития; 2) системного видения этого развития, применения в ходе его анализа методологических принципов, учитывающих особенности сложных исторически развивающихся систем.

При анализе современных изменений цивилизационного развития недостаточно выделять отдельные аспекты и факторы этого процесса. Важно видеть глобальные цивилизационные изменения как сложную системную целостность. Применение стандартного цивилизационного подхода этой проблемы не решает. Необходимы обобщение и трансформация этого подхода. Такая трансформация выражена в концепции типов цивилизационного развития.

Я уже излагал в своих работах, в том числе и на предыдущих Лихачевских чтениях, основы этой концепции. Поэтому лишь конспективно выделю ее главные положения, чтобы обозначить позицию, которую полагаю продуктивной для анализа перспектив современной цивилизации.

В истории человечества можно выделить два типа цивилизационного развития — традиционалистский и техногенный. Каждый из них включал соответствующие виды цивилизаций, отличающиеся друг от друга видовой спецификой, но вместе с тем объединяемые общими типологическими признаками. В стан-

дартной цивилизационной концепции акцент сделан на специфике различных видов цивилизации. Их различие определяют через особенности культурно-генетического кода, в соответствии с которым они воспроизводятся.

Идея типов цивилизационного развития предполагает выявление в этих кодах некоторого инварианта, общего системообразующего ядра, которое объединяет цивилизации одного типа и ограничивает их от цивилизаций другого типа. В качестве такого рода объединяюще-разграничивающего ядра можно выделить ряд ключевых мировоззренческих универсалий (концептов, категорий) культуры, взаимосвязанных между собой и функционирующих в качестве базовых жизненных смыслов и ценностей каждого из типов цивилизационного развития. Это ядро представлено универсалиями «человек», «природа», «деятельность», «традиции и новации», «личность», «рациональность», «власть». Со смыслами этих базовых универсалий, их пониманием и переживанием скоррелированы смыслы других категорий культуры — свободы, справедливости, веры, добра и зла и т. п.

Понимание типологического ценностно-смыслового ядра, представленного базовыми универсалиями, радикально различно для традиционалистского и техногенного типов развития. Это ценностно-смысловое ядро в культуре каждого конкретного вида цивилизаций, относящихся к тому или иному типу, получает дополнительные конкретизирующие интерпретации, в результате чего предстает в форме уникального культурно-генетического кода, который различает виды цивилизаций, выражая специфику их жизненных миров.

Разумеется, каждый тип цивилизационного развития следует рассматривать в его исторической эволюции. Исторически первым был традиционалистский тип развития. Техногенный возник позднее в европейском регионе планеты. Начальной его стадией были эпохи Ренессанса, Реформации и Просвещения, сформировавшие духовную матрицу, систему новых ценностей и жизненных смыслов, образующих своего рода геном техногенных обществ.

Он включал понимание человека как деятельного существа, преобразующего окружающий мир; понимание деятельности как креативного действия, порождающего качественно новые объекты, состояния и процессы; идеал инноваций как приоритета над традициями (идеал прогресса); видение природы в качестве своего рода поля, преобразуемого человеком, резервуара ресурсов для деятельности; культ рациональности при доминанте научной рациональности; идеал суверенной автономной личности, не сращенной от рождения с определенной социальной общностью (кастой, кланом, классом, сословием), способной включаться в разные социальные общности; идею власти не только как господства человека над человеком,

¹ Руководитель секции философии, политологии, социологии, психологии и права Отделения общественных наук РАН, академик РАН, заведующий кафедрой философии науки и философии культуры МГУ им. М. В. Ломоносова, доктор философских наук, профессор. Автор более 700 научных работ, в т. ч. 28 монографий: «Становление научной теории», «Философская антропология и философия науки», «Научная картина мира в культуре техногенной цивилизации», «Философия науки и техники», «Эпоха перемен и сценарии будущего», «Теоретическое знание» (2000, пер. на исп. яз. — *Stiopin V. S. El Saber Teorica. Estructura, Evolucion Historica*, 2004; на англ. яз. — *Stepin V. Theoretical Knowledge*. Springer, 2005), «Философия науки: общие проблемы», «Цивилизация и культура», «Научное познание в социальном контексте», «История и философия науки», «Человеческое познание и культура», «Философия и методология науки», «Философская антропология и философия культуры» и др. Президент Российского философского общества. Иностраный член национальных академий наук Беларуси, Украины, действительный член Международного института философии (Париж), Международной академии философии науки (Брюссель). Почетный доктор Университета г. Карлсруэ (ФРГ), почетный доктор Новгородского государственного университета, Ростовского государственного университета, почетный профессор Института философии Академии общественных наук КНР (Пекин), Белорусского государственного университета (Минск). Лауреат Государственной премии РФ в области науки и техники. Награжден орденами Дружбы народов, «За заслуги перед Отечеством» IV степени. Почетный доктор СПбГУП.

но преимущественно как господства над объектами (природными и социальными).

Это генетическое ядро техногенных обществ определяло их воспроизводство и историческое развитие. В качестве основных этапов этого развития можно выделить доиндустриальную, индустриальную и современную постиндустриальную стадии. В каждой из них, в свою очередь, могут быть зафиксированы качественно различные этапы. С этой точки зрения можно указать на различия и особенности индустриальной стадии до Первой мировой войны и после нее, именуемые в западной литературе первым и вторым модерном.

Модернизации разворачивались здесь без радикального преобразования той матрицы ценностей, которая выступала типологическим ядром культурно-генетического кода техногенного типа. Техногенная цивилизация длительное время сосуществовала с традиционными обществами, оказывая на них все возрастающее давление. Многие из них она колонизировала, другие вынуждены были осуществлять догоняющие модернизации, основанные на заимствовании у развитых стран Запада технологий и системы образования. Такое заимствование всегда было связано с переносом пластов западной культуры на традиционалистскую почву. Ценности, обеспечивающие техногенный тип развития, сталкивались в этом процессе с традиционалистскими ценностями, модифицируя и трансформируя их.

В конечном счете традиционные общества в ходе модернизации превращались в особый вариант техногенных обществ, сохранивших и адаптировавших к ценностному ядру техногенного типа развития некоторые аспекты и фрагменты традиционных ценностей.

Концепция типов цивилизационного развития не отбрасывает позитивное содержание стандартного цивилизационного подхода (А. Тойнби, Н. Данилевский и др.), а включает его в свой состав. Вместе с тем она может быть согласована и с рядом ключевых положений марксистской формационной концепции, которая предстает как альтернативная стандартному цивилизационному подходу. Нетрудно обнаружить, что базисные ценности техногенного типа развития лежат в основе марксистского понимания общества. Концепция формаций описывала предысторию и историю техногенной цивилизации, но испытывала известные трудности применительно к традиционалистским обществам Востока. Два альтернативных и несовместимых подхода (цивилизационный и формационный) предстают в рамках концепции типов цивилизационного развития как дополнительные описания одной и той же сложной системной реальности, акцентируя ее разные аспекты.

Техногенный тип цивилизационного развития дал человечеству множество достижений и долгое время воспринимался как магистральный путь общественного прогресса. Но уже во второй половине XX века проявились и начали обостряться многочисленные глобальные кризисы как вариации двух основных — экологического и антропологического — кризисов.

История последних 50 лет свидетельствует, что великие технологические прорывы, глобализация, формирование общества потребления и организация миро-

вой экономики по принципу стимулирования опережающего роста потребления, распространение рыночных отношений на все новые сферы человеческой жизнедеятельности — все эти сущностные характеристики современного цивилизационного развития приводили ко все большему обострению экологического и антропологического кризисов.

В результате возникает проблема новых стратегий развития, которые могли бы обеспечить преодоление кардинальных глобальных кризисов, грозящих разрушению цивилизации и даже самоуничтожению человечества. Эти стратегии предполагают переосмысление типологического ядра социокультурного генома современной цивилизации. А такое переосмысление, в свою очередь, является первым шагом на пути к новому типу цивилизационного развития, третьему по отношению к традиционалистскому и техногенному.

Такого рода переход, приводящий к изменению качества системы, часто именуют фазовым. В общем виде он описывается в терминах теории сложных систем. В случае когда речь идет об исторически развивающейся системе, он может привести к повышению степени ее сложности, возникновению новых уровней системной организации, которые, воздействуя на ранее сложившиеся уровни, изменяют их, накладывая на них определенные ограничения. В результате происходит смена предшествующей саморегуляции (гомеостаза) на новый вид саморегуляции.

Синергетика интегрально характеризует процесс фазового перехода в терминах динамического хаоса и самоорганизации. Но можно более дифференцированно описать этот переход, выделив три его стадии.

Начальная стадия — это возникновение динамического хаоса, когда мутируют ранее сложившиеся программы саморегуляции системы и перестают работать ранее возникшие параметры порядка. Из спектра возможных сценариев развития системы, возникающих в точках бифуркации, может реализоваться любой, даже маловероятный. Количество таких сценариев может быть достаточно большим, но не безграничным. Их набор включает только те сценарии, которые не противоречат сложившимся объективным законам.

Реализация любого из возможных сценариев зависит от множества случайных факторов. Она характеризуется как действие вероятностной причинности, которая порождает аттракторы в нелинейной среде. На этой стадии фазовых переходов может формироваться несколько аттракторов в соответствии с разными, в том числе и альтернативными, сценариями развития системы.

На второй стадии фазового перехода конкуренция сценариев может приводить к постепенному доминированию одного из них. В этом случае меняются первоначальные вероятности каждого из сценариев. Когда один из них начинает определять русло изменений системы, уменьшается вероятность реализации других.

Наконец, в качестве третьей стадии следует выделить особые состояния динамического хаоса, которые характеризуются в синергетике как режим с обострением. На особую важность анализа этого режи-

ма не раз обращал внимание С. П. Курдюмов. На этой стадии доминирующий сценарий, определяющий русло изменения системы, резко повышает вероятность своей реализации, становится необратимым. Возникает своего рода целенаправленное движение к новому уровню организации системы, формированию новой программы саморегуляции и соответствующих ей параметров порядка. Главную роль в этом движении играет целевая причинность.

С. П. Курдюмов интегрально характеризовал эти процессы как влияние будущего на настоящее и даже на прошлое. Внешне это выглядит иррационально, но только внешне. Образ влияния будущего на настоящее и прошлое имеет вполне рациональное обоснование, если учесть, что на заключительном этапе фазового перехода возникает новый уровень организации сложной системы, который оказывает активное обратное воздействие на ранее сложившиеся уровни, накладывая определенные ограничения на взаимодействие их элементов, и тем самым обеспечивает формирование нового типа системной целостности. Поэтому предсказание поведения сложной системы всегда предполагает, что возможное будущее, став настоящим, способно изменять прошлое.

Для столь радикальных преобразований, к которым следует отнести становление нового типа цивилизационного развития, фазовые переходы могут занимать длительный период. Становление техногенного типа развития исторически было растянуто более чем на два столетия. Конечно, в современном обществе темпы развития иные, и здесь фазовый переход может занять несколько десятилетий. Многие футурологи полагают, что середина века должна стать переломной в развитии цивилизации. Резкое возрастание современных неустойчивостей и кризисов может быть интерпретировано как первая стадия фазового перехода, когда возникает динамический хаос, обозначаются точки бифуркации и альтернативные сценарии развития.

Современные споры о стратегиях глобализации могут быть рассмотрены под этим углом зрения. Сценарий однополярного мира, предполагающий безусловную доминанту современных западных ценностей, нацелен на продолжение уже принятой стратегии техногенного развития. Тогда как сценарий многополярного мира, где наряду с техногенными ценностями фигурируют сохранившиеся и адаптированные к ним некоторые фрагменты традиционалистских ментальностей, создает большие возможности для перехода к новому типу развития, стимулируя диалог культур и поиск новых ценностных ориентиров.

Сегодня особенно важно выделить и зафиксировать в качестве исходного рубежа этих поисков идеал сохранения человечества как особой подсистемы биосферы и самой биосферы как сложной развивающейся ценностной системы. Этот идеал отнюдь не тривиален, если учесть грядущий прорыв к новому технологическому укладу, предполагающему освоение конвергентных (NBIC) технологий. Обычно акцентируют внимание на позитивных возможностях, которые открывают новые технологии. О негативных, связанных с рисками, упоминают в общем виде. Но уже сформулирована

программа трансгуманизма — генетической и кибернетической трансформации человека, которая, как провозглашают ее приверженцы, должна привести к принципиально новому типу мыслящих существ, стоящих на высшей ступени эволюции по сравнению с человеком. Но история XX века знает множество примеров, когда благие лозунги улучшения человека, создания нового человека будущего оборачивались своей противоположностью, приводили при их реализации к гибели миллионов. Бесспорно, NBIC-технологии открывают огромные возможности лечения различных заболеваний, продления человеческой жизни, полноценной жизнедеятельности в старости. Но если речь идет о коренном изменении человеческой природы, то здесь возникают такие риски и возможные сценарии, которые лишь будут приближать нас к уничтожению людей и разрушению культуры.

В целом NBIC-технологии при их разработке и внедрении потребуют сопровождающей социально-гуманитарной экспертизы, анализа и оценки вызываемых социальных, экологических и культурных последствий. Идеал сохранения биосферы и человечества в этом случае должен выступать каждый раз в функции пускового механизма и регулятора такой деятельности.

Мне уже не раз приходилось отмечать, что новые ценности ниоткуда извне не придут, они должны начать формироваться в недрах техногенной культуры, и важно отыскать точки их роста.

При внимательном анализе уже можно обнаружить начавшиеся модернизации и трансформации ценностного ядра техногенного типа цивилизационного развития; это ядро определяло такое развитие начиная с эпохи Просвещения. Идеал прогресса как ускоряющихся инновационных перемен в наше время модифицирован в идеал устойчивого развития, когда приоритет получают такие инновационные сценарии, которые не просто взламывают и уничтожают традицию, а, адаптируясь к некоторым ее аспектам, избирательно и постепенно ее трансформируют.

Экологический кризис заставляет по-новому осмыслить концепт «природа». В отличие от эпохи становления и индустриального развития техногенной цивилизации, когда окружающая человека природная среда воспринималась как неорганическое поле для преобразующей деятельности и неограниченный резервуар ресурсов, наука уже в XX столетии сформировала альтернативное представление: окружающая нас природа — это живой организм, биосфера, глобальная экосистема, в которую включено человеческое общество в качестве особой подсистемы. Природная среда человеческого обитания не является неисчерпаемым резервуаром ресурсов для деятельности, многие типы таких ресурсов ограничены. Идеалу господства человека над природой противопоставляется идеал коэволюции общества и природы.

Эти новые образы природы и человеческой деятельности в чем-то перекликаются с традиционалистскими представлениями о природе как живом организме, хотя и не являются их простым повторением. Они — результат достижений науки, включенных в научную картину мира. Рациональное осмысление и усвоение этих

представлений в рамках современной системы образования являются необходимой предпосылкой для формирования экологического сознания. Но реализация этих предпосылок требует особых общественных усилий. Теоретически мы осознаем необходимость охраны окружающей среды, но в практических действиях часто исходим из прежних представлений. Это относится как к отдельным людям, так и к государствам.

Развитие в экономическом отношении государства, перемещая производство своих корпораций в развивающиеся страны Азии и Африки, где дешевле рабочая сила, за редким исключением (Германия), не распространяют на них свое природоохранное законодательство. В результате загрязнение среды в планетарном масштабе только увеличивается. Но главное препятствие к блокированию обостряющегося глобального экологического кризиса кроется в фундаментальных принципах организации современной рыночной экономики. Она ориентирована на постоянное увеличение потребления как условие роста ВВП. При этом, чтобы обеспечить потребительский спрос, его организуют искусственно, через рекламу, предлагающую ускоренно заменять вполне пригодные вещи более модными (хотя зачастую и не более качественными); через упрощение технологий, ориентированных на производство быстро изнашивающихся товаров. Принцип «чем больше мы потребляем, тем лучше живем», как подчеркивает известный футуролог Эрвин Ласло, является глубинным основанием современной рыночной экономики. Этот принцип Ласло оценивает как путь к экологической катастрофе.

Столкновение альтернативных идеалов в проблеме отношения человека к природе можно рассматривать как состояние общества переходного периода, когда на стадии динамического хаоса сталкиваются различные сценарии и соответствующие им программы развития. Осознание обществом необходимости введения природоохранных мер и экологической безопасности приводит в движение соответствующие социальные силы, которые наталкиваются на сопротивление других сил. Но без таких столкновений новые ценности и фундаментальные мировоззренческие смыслы не утверждаются как понимание и переживание человеком мира.

И еще об одной точке роста новых ценностей, которая трансформирует ценностные основания техногенного типа цивилизационного развития. Речь идет об утверждении в науке конца XX — начала XXI века нового типа научной рациональности, который я предложил обозначить как постнеклассический. Он ориентирован на освоение сложных, развивающихся человекообразных систем (включающих человека в качестве особого компонента). Этот тип систем становится доминирующим объектом изучения на переднем крае современной науки. Одной из особенностей постнеклассики яв-

ляется обнаружение недостаточности традиционных для науки форм методологической и этической регуляции исследовательского поиска. Чтобы обеспечить освоение сложных, развивающихся человекообразных систем, необходимо сопоставление внутринаучных этических регулятивов с более широкими, выходящими за рамки собственно науки гуманистическими принципами. Сопоставление такого типа достигается в ходе социально-этической экспертизы научно-технологических программ и проектов. Происходит модификация прежнего, присущего техногенной культуре понимания научной рациональности. Если ранее полагалось, что автономия науки обеспечивает генерацию в ней объективно истинного знания и автоматически реализует гуманистические идеалы, то теперь выясняется, что достижение этих целей в науке XXI века требует дополнительного социально-этического контроля, который обеспечил бы выбор из множества возможных сценариев научно-технологического развития наиболее благоприятного сценария, не угрожающего разрушением биосферы и человеческой социальности.

Наконец, остановлюсь на проблематизации присущих техногенной культуре смыслов концепта «власть». Эти смыслы, определяющие общественно-политический климат техногенных обществ, акцентируют понимание власти как контроля над объектом.

Во второй половине XX века властные функции управления обществом были централизованы на контроле за социальными институтами, их модернизацией и функционированием. Развитие демократии и прав человека в определенной мере обеспечивало обратную связь в системе «общество–власть», включая контроль за властью со стороны общества. Но в конце XX — начале XXI века эта система стала разрушаться. Новые технологии обработки сознания масс людей открыли широкие возможности информационного насилия, манипуляций с общественным сознанием со стороны анонимных социальных групп властной элиты, связанных с интересами финансовой олигархии и ее ролью в организации современного мирового рынка.

Применительно к этой ситуации пока не найдены точки роста новых ценностей, намечающие сценарии преодоления сегодняшних кризисов власти. Но сама проблематизация фундаментальных смыслов концепта «власть», определявших техногенный тип цивилизационного развития, также может быть расценена как своего рода индикатор начавшейся трансформации ценностей техногенной культуры.

Сегодня решение проблемы формирования новой матрицы ценностей выступает условием перехода к новым стратегиям цивилизационного развития. Идея устойчивого развития цивилизации и преодоления глобальных кризисов нереализуема без выполнения этой задачи.